

Златой и Бела

Автор: Вельтман Александр Фомич

Златой и Бела

Чешская сказка.

Волтава, Волтава! ключем закипели,
Под бурей, твои сребропенные воды!
Разгульные ветры гудят по ущельям;
По небу раскинулась черная туча,
Потоками взмыла, волной покатила
С вершин гор зеленых песок златоносный.

Уж полночь глубокая, черная полночь;
Сидит в Вышеграде, в теремной светлице,
Сидит у оконца Княгиня Любица;
Сорвала покров с головы златотканый,
И сбросила с плеч золотые одежды,
Сидит пригорюнясь, да смотрит печально
Вдоль шумной Волтавы.

Кого ж ждет Любица?
Не витязь ли смелый по берегу скачет,
А белые перья над шлемом вьют клубом?
Не друг ли, любимец, плывет по Волтаве,
Под парусом белым, веслом пенит воду?

Да нет, то не перья, не парус лодейный;
То легкое облачко плавно несется,
Ширинкою вьется, струится, змеится,
Колышется ветром.
Все ближе и ближе;
А яркий луч месяца темную тучу
Стрелой пронизал; и вдруг, словно как писан,
На облачке ангельский лик озарился.
И вот оно ближе и ближе к оконцу;
И словно под легким, прозрачным покровом,

на нем лебединая грудь взволновалась,
И будто две ручки простерлись с любовью
К Княгине Любице, обнять ее хóчут.

— «Дитя мое, Бела! скорее, скорее,
Ко мне, к материнскому нежному сердцу!»
Воскликнула с радостным чувством Любица.
А ветер, откуда ни взялся, вдруг дунул,
Отвеял, унес облачко. — лишь слезинка
Упала с него на горячее лоно
Княгини, и будто алмаз засияла.

Волтава, Волтава!
Взыграли твои сребропенные воды,
Громовые тучи простерлись по небу;
Да нет, то не воды Волтавы взыграли,
Не громы гремят;
То звонкие струны звучат про былое;
То голос серебряный льется струей!
Подай, Боже, память на слово живое!
Вот-то было время, да свилося свитком,
Водой утекло, волной уплыло,
Поднялось туманом, умчалось по ветру!

Ну, слушайте, братья, скажу я вам сказку,
Скажу про Златоя; а вот-то был Княжич!
Скажу про Княжну вам, прекрасную Белу;
А вот-то Княжна была, что твое чудо,
И что твое диво!
И жил — был, давно-уж, Залесский Князь Власлав,
Князь славный по подвигам, Князь знаменитый.
И жил он во славу и честь всем владыкам:
С соседями в мире, с своими в союзе,
С Княгиней в ладу и любовном совете.
И дал им Бог сына. Хорош народился:
Душою отец, красотой — мать Княгиня.
Кудесница-баба его повивала,
И в злато повила, да счастьем дарила,

Добра не жалела.

А на руки принял его вещий старец,
Из знахарей знахарь, премудрый пустынник,
И щедрой рукой одарил его смыслом.

Ой-катит Волтава волну за волною,
В студеное море;
Течет день за днем, год за годом в бездонье,
В бездонье, в безбрежье:
Растет не по дням, по часам юный Княжич,
Что год то пустынник его навещает.
— Не сын, благодать вам, — твердит он, лаская
И глядя дитя по кудрявой головке.

Растет не по дням, по часам юный Княжич.
Вот Княжичу третий годок уже минул,
А он как без ног. — Что за чудо такое?
— Не чудо, — спокойно отвечает старец, —
Придет на все время и час, ну, и встанет. —

Вот, семь лет настало; а все мало толку:
Сидит Княжич сиднем, не двинется с места.
Горюют, печалются Князь и Княгиня.
— Он век просидит! — говорят они старцу.
— Не век просидит! — отвечает пустынник.
Вот, Княжичу десять уж лет наступило;
Пора молодца уж сажать на коня бы;
Да ноги, как узел, — Ох, горе! что делать?
— Ну, узел, так узел, пускай будет узел:
На все придет время, придет, да развяжет.

Настало четырнадцать лет; а ни с места.
Сидит Княжич сиднем, в саду на лужайке,
Сидит да играет, как малый ребенок.
Вокруг него старые мамки, да няньки,
То мельницей тешат, коньком забавляют,
То строят кораблик, то уточку в зубы,
То спускают жужжалку, — а он-то хохочет;

Но: вот пришло — время и час, пришел старец.
— Ну, будет играть нам, пора за науку!
Ступайте! – он молвил и мамкам и нянькам.
А ты, Княжич, слушай про мир Божий повесть.
И сел на индейском ковре вещей старец,
И начал рассказывать чудные вещи.
И слушал его со вниманием Княжич,
И время в рассказах текло незаметно.
— Ну, Княжич, что, как – по душе ли наука?
— Уж как по душе; ничего бы не делал,
Тебя бы все слушал! —
- Э, нет, сказки сказкой, а дело-то делом.
Да ладно, понятлив, смышлен ты, я вижу;
Теперь, друг, давай-ко учиться мы счету,
Считай-ко: первóй, да другой, – до десятков,
Потом сороков, а потом до тьмы-тём.
Ну, ладно, ты, вижу, смышлен, переимчив.
Да это не счет, а пол-счета; а вот счет:
И с словом он бросил горсть жемчугу кверху.
— Считай-ко зерно по зерну на полете. —

К чему не привыкнешь трудом да охотой!
—Ну, ладно, я вижу, ты сметлив и зорок!
Пойдем теперь дальше. Смотри да смекай же;
Вот взвилась косаточка, круг очеркнула.
Смекай: сколько взмахов крыла в этом круге?
На эту науку потребно два года. —
Идет себе тихо, невидимо время,
То в гору, то пбод гору; вот и два года
Минули. Взор Княжича так наметался,
Считать на лету, что пустынный невольню,
Воскликнул: ай, Княжич, смышлен ты, я вижу!
Ну! что-то покажет нам третья задача:
А третья задача всему и удача.
Вот видишь, толкачики в воздухе вьются,
Шныряют, снуют, лебездят перед глазом.
Считай-ко, считай, да смекай, что́ их тутоть.
Смотри не зевай, не моргни – обочтешься!—

Задача трудна, да добился, дошел он:
В счету одного комара не пропустит.
— Ну, ладно, — промолвил пустынный, — довольно
Сидеть за наукой, вставай-ко, вставай друг
Златоя как будто бы что встрепенуло,
Все члены его напряглись, развязались;
Вскочил он и радостно бросился к старцу,
Потом к отцу-матери, крепко их обнял.
Заплакали с радости Князь и Княгиня,
Не мнили, не чаяли счастья такого.
—Теперь, - сказал старец, — учите-ко сына,
Борьбе да ристанью, потом поединкам;
Да пусть погоняет в охотку за зверем.
Бог помочь!... Ну, Княжич, ты сметлив и зóрок,
Наказан всему и всему обучен ты, —
Примолвил пустынный питомцу Златою, —
Найдешь свое счастье, голубчик, да вот что:
Твое счастье, Княжич-касатик, в залоге.
Полюбишь, искупишь - возьмешь. Да припомни,
Что сила не в силе живет - в доброй воле,
А ум не в уме, а в догадке бывает. —
Сказал вещий старец, вздохнул и простился.

Князь Власлав, на радости, выпил братину
Шипучего меду за здоровье сына,
Года молодые, года удалые
Припомнил, возсел на коня, взвился вихрем,
И сам изучал сына строю и бою,
Покуда набрался он силы могучей,
И вышиб отца из седла. - Ну, довольно;
Теперь молодец молодцом, — сказал Власлав, —
Теперь можешь ехать, да воли изведать,
Да сердце потешить, оружие померять
За девиц-красавиц, Княжен и Царевен.

И принял Златой от родителей память —
Заветное слово на путь, и поехал
На первую пору в поморскую землю

Хвалу и обеты воздать векожизным.

Вот едет горами, долами да лесом,
За ним скачет Маврень, приспешник и дядька.
Ему ли пустить без себя в чужь питомца:
— Уж где молодому так знать свое дело,
Как мне старику, – молвил он, приосамясь, —
И кто кроме Мавреня правдой послужит,
Кто сказкой потешит, поможет советом?

Вот, солнце склонилось за темные боры;
Гробовые тени тянулись – тянулись
И слились в пучину, и все, что глаз видел,
Как будто утопло.
Верхи гор померкли; одна лишь в потемках,
Как будто светец, загорелась за лесом.
— Смотри, Маврень, что́ это?
— Эге, то Сobotка-гора, – молвил Маврень, —
А мы на нее так и прем как слепые!
— Так что ж за беда?
— А та и беда, что сворачивать надо;
Не путь, не дорога в подземное царство;
Вот этой долиной, как раз и в трущобу.
— Да что-ж там?
— А кто ж ее знает, кто ведает что там?
Попасть-то туда попадешь, да и сгинешь;
Зашельцы-то есть на тот свет, а не слышно
Про выходцев что-то; а страсти какие
Рассказы идут, что там ужасы: волос
Становится дыбом, когда порасскажут.
К горе той на шабаш слетаются ведьмы;
Слетятся, начнут вокруг огня хороводы;
А к ним на позорище, с кладбищ, с погостов,
В гробах мертвецы, словно в лодках, и едут.
А бесовы дети юлой так и шляют.
И видеть все видно, вот-так все и ходит,
А слушай хоть в оба — шума не прослышишь....
— Смотри, Маврень, кажется, будто дымок там?

— Дымок? где дымок? тут жилья не бывало;
То стелется верно туман над трясинной.
Своротим.... того и гляди, что завязнешь!...
Эх, что́ это, батюшки.... в саване! .. чур нас!...
Ох, Княжич, своротим!
Но Княжич, как обмер, глядит с изумленьем.
Туманное, белое облачко, тихо
Плывет над долиной, проносится мимо....
И Княжичу видятся струи серебристой,
Прозрачной одежды, волнуемой ветром.
И словно туманный покров обвивает,
Лилейное, чудное личико девы.
На плечи потоками косы скатились,
Поникнуты очи.
Златой смотрит, млеет.
Вдруг тонкий покров на груди всколебался,
Взор вспыхнул, и вскинула дева вдруг ручки,
Как будто на встречу милому другу,
Уста заалели, и радостный голос,
Казалось, умильно шепнул: это - ты!
А ветер откуда ни взялся, вдруг дунул,
Отвееял, увлек, отогнал чудный призрак.
Напрасно он с юноши взора не сводит,
Напрасно к нему простирает он ручки.
Не чувствует сам себя юноша Княжич,
За ним мчится следом, во весь опор скачет,
Как будто аркан на него кто накинул.
— Стой, стой Княжич, стой! — крикнул Маврень, - куда ты?
Но Княжич не слышит, несется стрелою,
По черной долине за облачным ликом,
Конем тьму густую, как напыль режет,
Умчался, исчез.
А за ним Маврень гонит;
Но вдруг чаща леса, и словно забрало
Дорогу плетнем - ни пройти, ни проехать.
— Пропал и погиб! — завопил бедный Маврень, —
Куда угодил я теперь? что мне скажут?
Чем Маврени встретят и Князь и Княгиня?

Где сын наш? где Княжич? Что им я отвечу?
Нет! к светлым очам их мне нет уж возврата!
Я здесь и умру! —
И бросился Маврень с коня ниц на землю,
Рыдает, да роет руками могилу.
А между тем Княжич все скачет да скачет,
За облачным, радужным призраком девы.
И ветер едва уносить успеваает
Таинственный образ от быстрой погони.

И вот из-за темного, дикого бора
Огнем синеватым слегка осветило,
И взору открылась гора — точно насыпь
Огромной могилы с костром погребальным;
А призрак так прямо к горе и несется,
Под мрачный навес черных скал, где пещера,
Как пропасть, разинулась страшною пастью.
И вот, нагоняет, нагнал, ловит руки,
Простертые с взором молящим спасенья;
Уж чувствует пальчики девы, — напрасно!
Вихрь взвил ее реющим, быстрым потоком,
И хлынул с ней в бездну.
Златой коня нудит,
А конь захрапел, фыркнул, встал — и ни с места!
С седла соскочил Княжич, — прямо к пещере.
Вдруг, подле него умоляющий голос:
— Господчик, родимый мой, батюшко барин,
Купи у старушки у бедной яичек! —
Златой оглянулся и видит седую
Старуху с клюкою в руках и с котомкой.
— Купи, дорогой мой!
— Поди ты, старуха!
— Купи, пригодятся, поверь праву-слову:
Без корму туда не ходи, ненаглядный:
Там стража голодная, даром не пустит;
Купи, не раскаешься, батюшко, барин! —
Златой изумился старушечей речи.

—Что ж дать тебе, баба, за кузов яичек?
—Что дать? не большова: простые яички;
А вот, ка-бы было такое мне счастье,
Да был петушок золотой гребешок-бы,
Наседка моя бы несла золотые.
Добудь-ко его, поклонюсь тебе в ноги.
— Э, бабушка! мне до возни с петушками!
— И батюшко, что тебе стóбит, сударик!
- Кажись, ты путь держишь в подземное царство;
- А там их руками бери сколько хочешь;
Да взять не забудь лишь, припомни старушку!
— В подземное царство? — спросил живо Княжич: —
Послушай-ко, бабушка, ты не видала ль
Здесь красную-девицу, будто на крыльях,
Сейчас промелькнула:
— Что здесь пробежала?
Княжна-то, сиротка?
— Куда она скрылась?
— Княжна-то? да чай, что домой, мой родимый:
По праздникам в полночь сердечная ходит,
Чай к матери родной своей на могилку,
Грустна и печальна, повысохли слезки;
А что́ - уж печаль без слезы, — наказанье! —
— О, верно она! - грустно Княжич промолвил,
С душою стесненной, вздохнув, — ну, прощай же,
Старушка; молись за меня!
— Буду, буду;
Кому-ж и молиться за вас, как не нам же.
— Ну, с Богом! — И Княжич спустился в пещеру,
С обрывов, по камням. Кромешная темнедь!
Но вот в отдаленьи подземного хода,
Блудящие вдруг огоньки заблестали;
Идет на них Княжич. Вдруг словно две свечи,
Пред ним загорелись, и пыхнуло что-то.
Он смотрит и видит, как будто жерлище,
Разинута пасть преогромного змея,
Вот, Княжич за меч; мах мечом - увернулся,
В другой, - увернулся; а пасть так и пышет.

И вспомнил Златой наставленья старухи,
И бросил в пасть змею яичко, другое....
Он хватъ, проглотил и свернулся как мертвый.
Но только что Княжич чудовище минул,
Другой змей горой на дыбы приподнялся,
Из пасти зияет, как молния, жало.
— Проклятый! глотай! — крикнул Княжич с досадой,
И бросил в гортань яйцо и другое,
Змей чавкнул; но третье глотнул, подавился,
Свернулся в клубок, перекинулся, замер.

И долго шел Княжич Златой в глубь пещеры;
Лишь бурколы змей, как горячие угли,
Во тьме указаньем дороги служили.
И вот весь запас свой он выкормил змеям,
Остался лишь кузов, хотел его бросить,
Вдруг снова шипит, не простой — уж, крылатый,
Огромная пасть распахнулась как пекло,
Чем глотку заткнуть? Княжич бух ему кузов.
Глотнул, затрещал перепонками крыльев,
Взлетел, зарычал, да и грохнулся о-земь.

Вдали просветлело чуть-чуть. Вот и выход,
Открылася даль, как замерзлое море,
Кругом тусклый свет, словно отблеск свинцовый,
Затишье такое, что страх; Княжич вздрогнул,
Его будто обдало холодом зимним.

Но вот, смотрит, видит хрустальные стены;
За ними палаты сквозят, а в палатах,
На ложе склонясь, в забытьи лежит дева,
В серебристой одежде, рассыпались косы,
Раскинулись ручки.
Златой смотрит, млеет.
Идет торопливо к хрустальным воротам,
Подходит, а ров, как бездонная пропасть,
Всю стену обнял; у ворот стоит стража,
В руках мостовые подъемные цепи;

Мост поднят.

— Эй, добрые люди,

И верные стражи! Златой, Князь Залесский,
Приехал в ваш славный град в гости, и просит
Почтить его лаской и дружным приемом....

Эй, братцы, впустите! — Стоят себе стражи,
Глядят в оба глаза, молчат, как немые.

— Эй, братцы, впустите Златой повторяет;
Но стражи ни слова, стоят как болваны,
Молчат, и вокруг все мертво и безмолвно,
И только в вершине ворот, словно что-то
Снует, да шныряет. Вот, Княжич всмотрелся,
И видит, что это снуют начертанья;
Все буквы толкутся, как будто живые,
Столбом комаров перед ясной погодой.

— Не даром учил меня старец-пустынник,
Считать на лету, — молвил сам себе Княжич,
И взор его быстрый, как сокол на стадо
Шныряющих пташек, накинулся, ловит
И нижет на память. И долго он бился,
Покуда таинственный ряд начертаний
По букве, по слову, пристроил в реченья,
И ясно прочел, как по писаной книге:
«Нашел светлый лик, найди светлую душу:
«Роняла денница ту светлую душу —
«Алмазные слезки, на лоно родимой;
«Родимая, с горя, низала на память
«Из них ожерелье.»

Задумался Княжич, припомнил речь старца,
Что ум не в уме, а в догадке бывает,
— Алмазные слезки! но где ж эти слезки? —
И долго он, долго с немим умилением
Смотрел сквозь хрустальные стены на деву.
И с грустной душою, обратно пещерой
На белый свет выйти торопится Княжич,
Во тьме еще светят змеиные очи:
Но светят чуть-чуть, измирающим взором?

Едва он пройдет, а они и померкнут.
И вот наконец из пещеры он вышел,
Вздыхнул вольным воздухом, будто очнувшись,
Всмотрелся на свет; а его конь стоит – уж,
И ржет, весь трясется от радости, роет
Копытами землю.

— А где же мой Маврень!
Где верный мой Маврень? — аукает Княжич.
Но эхо напрасно его зовы вторит,
По мрачному лесу и горным ущельям.

Задумчиво, грустно, шажком он поехал.
Вдруг — чу! конь заржал! конь Златоя услышал,
В ответ подал голос, и ринулся быстро,
По черной долине, как раз к тому месту,
Где Маврень лежал на земле, как убитый.
— Родной мой! – вскричал он, увидя Златоя,
Птенец мой! куда пропал ты, где был ты?
— Где был я? В подземном был царстве; что видел!
Ах, Маврень, мой Маврень, какое там диво!
Какую невесту я видел там, Маврень!
Да горе: не знаю что делать; послушай:
И Княжич поведал про все, что сбылось с ним;
А Маврень все слушал, качал головою.
— Эх Княжич! опомнись! ты сном еще бредишь! —
Сказал он, смотря на него с изумленьем,
— Нет, Маврень, я видел не сон и не морок.
— Да полно тебе!
— Нет, не брежу я, Маврень!
Но где же искать мне алмазные слезки?..
— Вот то-то; поедem-ко в Русскую землю,
Обеты и дань воздадим векожизным;
Так будет надежней, пройдет обаянье.
— Поедем! – задумчиво Княжич промолвил.
И едут они скоком – летом в поморье,
В град Юлин, долиной реки беловодной,
Катящейся плавно, вздымающей волны,
Как выю кольцом горделивая лебедь.

От Львиной горы своротили направо,
На град Ратибор; подъезжают и видят,
На озере светлом стоит град великий;
По верху горы Княжой двор и палаты,
Как будто резные из кости, с насечкой;
А терем, как яркое золото с чернью;
Навес, будто кружевом лажен чеканным;
Оконцы в узор, словно бисером шиты.
Не верят глазам своим Княжич и Маврень,
И видят они, что к оградям, на поле
Стекаются люди, как к морю притоки,
И витязи скачут и плещут знамена,
И блещет оружие, и с говором шумным
Сливаются гулкие трубы и бубны.
И слышат они, что у Князя Обрада,
Идет пир великий, и съехалось в гости
Князей, и державцев, и витязей славных,
Не весть-что, – на празднество, бой и ристанья
В честь дочери Князя, прекрасной Круницы.
— Посмотрим на бой, — сказал Маврень, — да молвят,
Светлее, вишь, солнца, да краше Круницы,
Во век не бывало, во век и не будет.
— Не мне за нее ломать копья! – промолвил
Сурово Златой, подъезжая к ограде.
Народ перед ним расступился с поклоном.
В ограде, на поле, шел бой уж на славу,
Меж витязем юным с поднятым забралом,
И рыцарем латником в шкуре железной.
Но их будто нет, как ночных привидений,
С восходом денницы; все взоры невольно
На свет устремились, на свет – на Круницу.
На крытых сенях, над узорчатой тканью,
Разостланной вдоль по чеканным перилам,
Как утро она над цветущей долиной;
На лике зарею разлился румянец,
В веселых очах, так лучи и играют;
Улыбка живым огоньком так и пышет;
А грудки волной так и бьют, так и ходят.

Но вдруг взор Княжны, будто туча, затмился:
С испугом. Круница всплеснула руками.
Глядят — на земле словно пласт лежит витязь;
А латник стоит, озирается гордо,
Противника нового ждет, — не выходит.
— Ну сколько вас есть? выходите ватагой!
Он крикнул как Фряг самохвал, прибоченясь.
— Довольно с тебя одного! — грозно Княжич,
В ответ; разгорелось в нем сердце обидой.
— На поле! Пристройся! — вскричал, в щит ударил,
Припóднял коня на дыбы, сбросил шлем свой,
Расправил свои молодецкие кудри,
Почетный поклон отдал Князю с Княгиней
И светлой Княжною; вскрутил, вскинул дротик,
И ринулся в бой. — Засверкало оружие,
Посыпались искры. Все вздрогнули, смолкли,
Глядят, позабыли о светлой Крунице;
А сердце Круницы дрожит, замирает;
А взор — то блеснет, то померкнет от страха.
Работает Княжич вокруг латника вихрем,
Удары на щит золотой принимает;
Копьем расстегнул ему запоны брони,
Раздел, раздробил, разметал все оружие,
И высадил вон из седла. Загремели
И трубы и бубны. Взор ожил Круницы,
Зарею румянец опять разгорелся,
Улыбка живым огоньком запылала,
А грудки волной так и бьют, так и ходят.

Князь просит Златоя в избу, величает
Нежданным своим дорогим, милым гостем,
Целует его во уста; а Княгиня
Подносит сама чару меду во здравье;
А очи Круницы в него так и впились;
А сенные девушки шепчутся в голос:
«Вот Бог женишка-то какого послал нам!
Вот пара, так пара!» — А Княжич все слышит,

Глаза как у девицы-красной поникли,
Лицо разгорелось стыдливым румянцем.
А Маврень твердит ему: Вот оно, Княжич,
Как счастье-то само найдет человека:
Такому во сне не пригрезиться во век!
Смотри-ко, смотри благодать-то какая!
Смотри: словно живчик! Ну, подлинно правда:
Она на земле словно солнце на небе!
Уж это не сон, – на яву тебе счастье! —
И вот, на пиру, как на брачном весельи,
Пьют гости меды, голоса, возглашают
То здравье Златою, то счастье Крунице.
И смотрит она на Златою любовно,
И думкой в уста его, в очи целует.
А Княжич сидит, как не свой, сердце таит
От жарких, пленительных взоров Круницы;
Светлы, горячи, полны жизни; но будто
Чего-то в них нет для души и для счастья;
И кажется Княжичу, нет в них... чего же? —
Нет слезки алмазной. И смутен идет он,
В свою почивальню, и мыслит в раздумье:
Ужели же правду сказал мне мой Маврень,
Что явное счастье на сон я меняю? —
Всю ночь он провел в забытии, истомили
Всю душу борьбою два чудных виденья:
То страстный и пламенный образ Круницы,
Зовет на коленях: ко мне! повторяет;
То облачный, томный, безмолвный лик девы
Проносится мимо, не манит, не взглянет,
А только уронит алмазную слезку.
— Ах, ждет она, ждет меня, ждет искупленья!
Воскликнул Златой, весь взволнованный духом.
— Коня, Маврень! едем! седлай коня скоро! —
— Помилуй! куда ты? чуть свет еще брезжет!
Опять за свое! ну чего тебе нужно?
Красавицу первую, чудо-невесту,
Тебе предлагают; я думал, вот умник!
А он, как шальной прет за сонною грезой!

Размысли, какого тебе еще счастья,
На радость родителям? Что еще надо?
Какую невесту? подумай!
— Я думал!
Круница невеста не мне, в ее доле,
Я тоже, что всякий другой мимошелец;
Светла без меня, и к душе ее светлой,
Я света собой не прибавлю! Поедем!
—Ох, Княжич, ты Княжич, сынок неразумный!
Да что ж мы поедем, спасибо не скажем,
За ласки хозяевам? Честно ли это?
Но Княжич не слышит, идет на конюшни,
Седлает коня, и велит Княжим людям,
Поклон от себя править Князю, Княгине,
И светлой Княжне, за прием и за ласки.

И вот, Княжич в Юлин свой путь продолжает
— Послушай-ко, Княжич, — ему молвит Маврень, —
Не веришь ты мне, так поверь вещим людям,
Жерцам; да проси, чтоб тебя освободили
От злых навождений. Меня ты не слушал,
Погнался за мороком в черной долине,
Так вот и возись с ним, ищи в пустом месте
Невесту свою, словно чортову внучку!
— Пусть будет и так! - отвечал ему Княжич.

Приехали к Стрелке, на пристань морскую,
И гатью, чрез море, на остров Русь, в Юлин,
И не было града в полуночном крае,
Богаче, славнее. Со всех сторон света,
Съезжались туда корабли и насады
Гостей и купцов с многоценным товаром,
И с данью обетной в святые божницы.

Хвалу и обеты свершив векожизным,
И жертвы воздав богу славы и мира,
И корм принеся своим предкам великим,
Златой поспешает в нагорную пустынь.

К отшельцу-слепцу правдовестному старцу,
В пещере он жил, среди темного бора,
В скале одинокой. Златой к нему входит,
И видит с невольным, немым изумленьем,
Что старец-слепец перед книгой огромной
Сидит и читает. Златой поклонился;
Но слова еще не успел ему молвить,
Как старец сказал: — «Сядь, да слушай бывшее:
Прошедшее светит на будущность; ветви
Питаются корнем; на них светит солнце,
Они дышат воздухом.... Корень под спудом,
В могиле, сокрыт, как усопший; но жив он!
Внимай, познавай и учись.»

Княжич слушал;

«Три века прошли, времена изменились:

Река измелела, притоки иссякли.

В ту пору, полков Чеховых воевода,

Крагуй, Князь Кленович, княжил в Вышеграде.

Со славой знамена его развевались,

Победой гремело златое оружие.

И были у Князя Крагуя два сына,

Стоглав и Хрудой – близнецы, да две дочери –

Любица и Теша. Настал час, Князь умер,

В бою со врагом, — не изрек завещанья;

И вот между братьями вышло размирье,

И спор: кто из них первенец и наследник.

И снялись на сейм старшины и владыки,

Решать эту тяжбу по слову закона.

Да нет изречения на дсках правдодатных,

И меч не судья, не указ кровным братьям,

Вода святосудная им не порука,

Огонь правдовестный для них не свидетель.

Решили владеть им наследием вкупе;

Но лютый Хрудой заревел ярым туром:

«Ладнее решать: ни тому, ни другому;

А двум головам на одной шее тесно!»

И вот положили избрать на стол отний,

Любицу Княжну, как старейшую в роде.
И власть приняла она, правила мудро;
Но лютый Хрудой не смиряется духом,
Мутит тишину и горчит черной желчью,
И снова на снеме взревел ярим туром:
— «Ой горе птенцам, где змея вместо матки,
Сосет а не кормит, пьет кровь, а не по́бит!
Ой горе мужам, где жена им владыко;
Нет, власть над мужами мужам подобает,
Наследье отца первенцу, по закону!»

С обидой возстала с престола Любица,
На дерзкое слово смиренно вещает:
— «Кто старший из двух братьев вкупе рожденных,
Того сами боги еще не решили;
А девы десница слаба и бессильна
Владеть мечем правды; а сестрино сердце,
Слезой карает обидчика брата!
Ищите же мужа в державцы закона!»
— «Пресветлая наша Княгиня! — воззвали
Владыки и старцы, — твой выбор и воля:
Сама избери себе мужа, и будет
Над нами он мужем закона и правды;
А сын твой наследует власть Князя-деда.»
— «Пусть боги решают! — сказала Любица;
И сердце ее содрогнулось неволью,
От мысли блеснувшей. — В заранье седлайте
Княжаго коня и идите с почетом,
На встречу к вратам городским, на болонье;
Просите, кто встретится, честным поклоном,
Возсесь на коня на Княжаго и ехать
Во двор к столованью, в почетное место.»

Вот, слово Княгини владыки и старцы
Исполнили свято, и встречных просили
Во двор к столованью в почетное место;
И много охотников было на почесть;
Да конь не давался; лишь только кто ногу

В седло занесет, а он грох его о-земь,
Да так, что уж не до гостей, не до чести.
Но время в полудне, пора и обедать,
А место про гостя почетного праздну.
— Ну, хитрую вещь задала нам Княгиня, —
Твердят меж собою владыки и старцы.
Но вот, по дороге, на встречу поезду,
Оратай с супругом волов едет с поля.
Снимает поезд перед ним свои шапки,
И просил пожаловать ехать к Княгине,
Во двор, к столованью, в почетное место.
— Княгиня зовет, надо ехать, — сказал он,
Подумав немного, — пожалуй, поедем!

Подводят коня. — Покачал головою;
— Где ж мне на коня на Княжаго садиться,
Собьет он меня постороннего, — молвил, —
А ехать одно: как ни ехать, да ехать;
К тому же своих я волов не покину!—

—Что ж, как? он ведь прав!—перемолвились старцы.
— Что ж, так! — отвечали, подумав, владыки.
И вот, на волах званный гость подъезжает
К двору, - Прямислав! - прошептала Любица,
Встречая его загоревшимся взором,
Сажая за стол на почетное место.

И свадебный пир озарил двор Любицы,
И три дни веселые гулкие клики
Ходили по граду, в горах раздавались,
И вот, понесла молодая, под сердцем,
Зародыш любви и тревог материнских.
А между тем умер Стоглав, и Хрудоя
Мятежное сердце заратилось снова;
С Олавы-кривой он грозит Вышеграду,
Чтоб Рада уставов своих не забыла;
А чрево сестры пусть родит, да пусть помнит,
Что сыну - держава, а дочери - прялка.

— Он прав! - говорят и владыки и старцы:
Теперь суд положит рожденный младенец! —
И с трепетом ждут разрешенья Княгини.
Не сыну, а дочери быть по приметам!

Княжна Теша любит сестру больше жизни,
Душою скорбит за нее и за благо
Родимого края: чем горе избыть бы?
Беду, как изжить бы, хоть грех взять на душу?
И слышит она про кудесницу-бабку,
Которая знает кабальные чары,
Творит из рожденных младенцев неведь-что,
Пожалуй чурбан. Вот, Княжна призывает
К себе чаровницу, поведала тайну,
И просит совета, как быть и что делать?
— Ну-ну! - призадумавшись, молвит старуха, —
Ведь это не то, что лицо на-изнанку:
Тут мертвенькой нужен ребеночек, мальчик:
В него перелить надо кровь нарожденной,
чтоб крови чужой, не ввести в вашу семью.
Да надо на то материнская воля:
Какая же мать променять пожелает
Родное дитя на чужое породье? —

- Что ж делать! беде нет другого исхода,
И хочет-не хочет — должна согласиться.
— Ну, ладно; зовите меня в повитушки.
Вот, время настало; скрепив свое сердце,
К Любице подходит сестра, говорит ей:
— Послушай, сестрица, ты слышала речи
Жестокого брата, - что, если родишь ты
Не сына, а дочь, он нас всех покарает,
С стыдом изженет со стола Прямислава!
Я думаю думу об этом да плачу....
Послушай меня, согласись на спасенье.

— Ах, я догадалась! молчи! содрогнулся

Мланенец в утробе! — вскричала Любица,
И слезы ключом из очей ее светлых.
— Сестрица, что ж делать? но выслушай прежде:
Тебя не лишат твоей собственной крови,
Лишь образ малютки твоей претворится
В прекрасный лик сына, тебе же на радость...
— Ах, полно! меня обмануть вы хотите!
— Клянусь тебе сердцем сестры в сущей правде!

Любица потоками слез обливалась;
Вдруг вся побледнела и стиснула очи;
А старая бабка уж тут.... повивает.

— Ах дайте взглянуть! - умоляет Любица,
Очнувшись на поданный голос младенцем, —
Ах дайте алмазную слезку на память!...

— Алмазную слезку? - воскликнул невольно,
Прервав старца, Княжич, - алмазную слезку?
— Ну да, что ж такое? - промолвил отшельник, —
Для матери доброй дочерняя слезка
Дороже алмаза, тебе-то что в этом?
— Отец мой! я с тем и пришел поклониться,
Чтоб ты мне поведал заветную тайну....
— Вот видишь! и вычитать не дал, не выждал;
За это приплатишься: даром науку
Одно, ведь, терпенье берет.
— О, полжизни,
Готов я отдать за залог искупленья!...

— Богат ты, я вижу, и щедр на дар Божий:
Полжизни! постой-ко, тебе сколько жить-то?
Подай-ко мне руку... Полжизни - три-сорок....
Прибавь семь годочков до целой полсотни,
Так так уж и будет. Поведаю тайну
О Беле сиротке, о дочке Любицы.

— Любицы? – промолвил Златой с грустным чувством, —
Три века!... так все было сон, что я видел?

— И жизнь сон, да только лишь сон непробудный, —
Сказал, вздыхая, слепец, — сон тяжелый!...

А словно теперь еще вижу Княгиню,
С младенцем на лоне, сидит - горько плачет;
Посмотрит - посмотрит на лико младенца,
Да вдруг и начнет причитать свое горе:
« Ах кровь ты моя, моя кровь из-под сердца!
Да нет в твоём взоре чего-то родного
Душа-то в тебе, Недомysl, мне чужая!»
И взрос Недомysl не в отца и не в мать,
И много потоков из сердца Княгини
Скатилось в море, и много читала
Душа ее в голос молитв
Пробил ее час; умерла, схоронили;
А с ней схоронили залог искупленья
Голубочки Белы от сна векового.
Заветное время - все семь поколений
Прошли. Кто добудет, дарят ей монисто:
«Зерно кровавик да алмазные слезки,»
Тому и она.

— Ах, поведай, отец мой!
Вскричал умоляющим голосом Княжич,—
Поведай мне, где обрести это счастье? -
— Не мало искателей блага земного;
Рукою бы взял, да как клад не дается.
И в жизни иных нет даров, кроме Божьих.
В вершине притока, текущего плавно,
Как мысль, в серебрянные воды Волтавы,
Есть озеро, - все поросло частым лесом.
На озере том неприступная вежа;
А в веже гробница, в гробнице Любица.
На шее ее мраморной монисто,
Как низано словно из звездочек ярких.
Изведай, не дастся ли клад тебе в руки,
Судьба ли тебе искупить свое счастье.

— Но вежа, сказал ты, отец, неприступна?
— Как дева, - отвечивал старец, - как дева,
Покуда волна не забьет в ее перси. —
Потом возложил он на Княжича руки,
И молвил: Бог помоч тебе в добром деле!
Иди подвизайся!
И земным поклоном
Простился Златой со слепцом вещим старцем.

— Ну, что? — спросил его Маврень. — Поедем! —
— И только? пошли по мытарствам мы ездить!
Эх, Княжич, сударик! чорт задал задачу,
А мы и разгадывай! Свет ты мой, Княжич!
Поедем опять в Ратибор! По тебе, чай,
Княжна-то Круница горюет, да сохнет!
Поедем! ..
Но Княжич не слушает дядьки,
Торопит коня на Волтаву, к притоку,
Текущему плавно, как мысль к верной цели.
Но вот берега речки уже, отложе,
И тянутся в лес чуть заметной лощинкой;
Но змейкою вьется по травке из лесу
Блестящая струйка. А лес чаще, гуще.

— Помилуй! куда ж без пути, без дороги,
В трущобу мы едем? —
Не слушает Княжич,
И ломит сквозь лес, без оглядки. Напрасно
Аукает Маврень. И вот он пробился;
Просвечивать стало багряное небо,
И вдруг очутился над кручью, и видит,
Как будто в котле стоит озеро крови;
На самой середине вздымается вежа;
Гранитные стены и прясла и гребень,
Как копоть черны, поросли седым мохом.
Вокруг тишина, не шелохнутся листья,
И мертвой воды ветерок не взъерошит.
Стоит, смотрит Княжич, все чувства немеют,

В ответ на безмолвие мрачной природы.
Заря догорает, и озеро меркнет:
Уж радужной слюдой его затянуло,
Покрыло, как щит, вороненою сталью.
— Что делать и как переплыть, переехать,
Добраться до вежи мне? – думает Княжич,
Пытливыми взорами берег обводит.
Спустился к воде, и вдруг видит за камнем
Рыбачий челнок. Не задумался долго:
Вскочил в него, сел, хватъ весло — и поехал
Прямехонько к веже. К стенам подъезжает....
Кругом объезжает — все стены глухие,
Ни входа, ни выхода, — новое горе!
А между тем ночь; но в воде отразилось,
Как будто сиянье. Златой вскинул взоры
На вежу, и видит, там теплится что-то.
— О, верно есть люди.... Эй, добрые люди
Эй, кто там живой? — Ни гугу - нет ответа.
Задумался Княжич опять: — «Неприступна,
Как дева, сказал мне отшельник, как дева,
Покуда волна не забьет в ее перси....»
Покуда волна не забьет в перси вежи...?
Не так ли понять?... да возможно ли это?
Откуда здесь буря возьметса, всколывет,
И вздует горой: эти мертвые воды,
И вздымет волну, куда взора не вскинешь?...
Но быть, чему быть! а назад я ни шагу!...

Едва он промолвил, вдруг слышит - об стены
Волна заплескала, и чувствует — вздулось,
Запенилось озеро, кипнем вскипает
В котле, будто жар под него подложили;
Вздымается выше и выше, колотит
Об стены бойницы челнок; подступило
Под самые перси, хлестнуло волною
В гранитные прясла, — Златой очутился
На самой вершине. Кругом осмотрелся,
И видит он горницу; двери отверсты,

Как в храм, посреди золотая гробница.
В гробнице усопшая в венчике светлом,
Спокойствие в лике, черты — как родные!
Вкруг шеи ее мраморной монисто,
Как будто из звездочек низано ярких.

Златой преклонился, и, с трепетом сердца,
Приблизился, снял ожерелье с усопшей,
И мнилось ему, что она улыбнулась.

А между тем Маврень блуждает по лесу,
Аукает, ревом ревет, — все напрасно:
Никто не откликнется, глушь, как в трущобе.
Настала и ночь, — нет ответа.— Погибель!
Э-эх, пропадай голова! — крикнул Маврень,
И бросился снова с коня ниц на землю,
Взрыдал и зарыл себе снова могилу.

Но вот рассвело; Маврень спит, как убитый.
Вдруг слышит — его кто-то под бок толкает.
— Пришла! ну, терзай, на, гложи, коли сладко!
Уж мне без него не житье! — вдруг он вскрикнул,
В бреду, на шелковой траве разметавшись.
—Эй! Маврень! ты бредишь! вставай поскорее!
Поедем!
— Ах, Господи, диво какое! —
Твердит, протирая глаза свои, Маврень.
Очнулся. — Поедем! — Златой повторяет,
Ответа не ждет.
— Княжич! долго ли ездить
По чертовым дебрям? —
Но Княжич не слышит,
Летит, как стрела к верной цели; а Маврень
Несется за ним, да сердито бормочет.
— Разумник мой, Княжич, да брось ты причуды! —
Опять затвердил свое Маврень Златою,
Заметив, что он так и прет на Сobotку. —
Верь слову: ты сам себя на смех морочишь!...

Ну, воля твоя; а уж я не отстану!
Уж жить, нести горе и гибнуть нам вместе! —
И трепетно Маврень по Черной долине,
За Княжичем в след, в хвост и в голову гонит.

Но вот и пещера разинулась пастью;
С коня прыг на землю, — держи! — крикнул Княжич.
От ужаса в Маврене замерло сердце.
В пещере все та же кромешная темнедь;
Но Княжичу путь освещают не змеи
Очами, как красные угли в горниле;
А звездочек купа льет свет с ожерелья.

Торопится Княжич за мыслью и взором,
И мнится ему, что растет подземелье,
И вырасти хочет на зло в бесконечность.

Но вот просветлело безжизненным светом,
И вот показались хрустальные стены,
За ними палаты сквозят, а в палатах,
На ложе склонясь, в забытии лежит дева,
Воздушным виденьем, мечтой воплощенной,
В серебристой одежде, рассыпались пряди
Волос серебристых; лилейные перси
Волной не волнует.
Златой смотрит, млеет,
Душа так и просится к душке, к подружке.
Он к мосту, мост поднят, а стража, безмолвно
Уставив глаза, не моргнет, — ждет приказа.
— По слову, отдай! — возгласил Княжич грозно,
И стража покорно помост опустила.

Хрустальные стены с его приближеньем,
Как лед от горячих лучей ожерелья,
Растаяли. Княжич поспешно проходит,
И чудный пред ним вертоград озарили
Алмазные слезки, блистая созвездьем.
Луга и деревья в цветах; будто хором

Уселись на ветках песнивые пташки;
А по лугу павы и лани стадами
Спокойно себе улеглись, как на отдых,
И спят мертвым сном. По всему вертограду,
Как будто рассыпалась радуга; ярко
Блестит разноцветные камни и жемчуг.

Торопится Княжич в палаты, и видит
При входе, под крылышко спрятав головку,
Сидит петушок, красотой вельми чуден;
На нем как из золота гребень чеканен.
И вспомнил Златой обещање старушке
Добыть петушка за яички в уплату.
Взяв бережно птицу, за пазуху сунул,
Бежит по ступеням; а с стен так и льются
Потоки; хрусталь так и таит, как льдина.
— Затопит ее! Бела, Бела! — воскликнул
Испуганный Княжич, и бросился к деде,
В объятья схватил и понес чрез палаты,
Как будто сквозь пенистый ток водопада,
Не чувствуя сам себя, в страхе за деву,
Он выбежал с нею на свет Божий.
— Бела!
Воскликнул он снова, - очнись моя радость!
Очнись голубица!
— Сударик ты, милый, —
Раздался бормочущий голос старухи, —
Куда ж ей очнуться: в ней замерло сердце;
Тут зовом да ревом, дружок, не сможешь.
— Ах, баушка! что же мне делать? Скажи мне!
— Что делать? посмотрим. Должок-то ты справил?
— Ах, вялое сердце! — Златой крикнул гневно, —
Тут смерть, а она об должке! подавись им!
— Не гневайся, батюшко, я ведь спросила
Не так, не спроста: петушок-то мне нужен,
Изведать живую водицу, родимый.
И с словом, старушка, достав из котомки
Кубышку, хлебнула и вспырынула трижды

Живою водой петушка. Встрепенулся,
Нахохлился мой петушок, да как крикнет
Вдруг кукурику!

—Ну, теперь, помогай Бог!

Сказала старушка, и впрыснула трижды
И сонную деву. Очнулась, вздохнула;
А Княжич стоит перед ней на коленах,
Безмолвен, скрестил на груди своей руки

— Эге, и тебя верно впрыснуть придется,—

Сказала старушка, взглянув на Златоя, —
Смотри-ко, совсем обомлел! Да дари же
Невесту, сударик, скорей ожерельем:
Чай также ей слезки на радости нужны!

— Прекрасная Бела! прими мое сердце,
С заветным залогом любви материнской! —
Умильно промолвил Златой, возлагая
На Белу, дрожащей рукой, ожерелье.

И вспыхнула дева зарею румяной,
И брызнули слезки из глазок лазурных,
И пала безгласно в объятия Златоя.

— Родные мои! Вот любовь-то! — сказала
Старушка, невольно сама прослезившись.

— Скорей, к отцу-матери! — Княжич воскликнул.—

Где конь мой! — А конь уж стоит наготове.

— Где Маврень?

— Слуга-то? да он, мой голубчик,
Боится старух у тебя; чай в кусты-где
Запрятался бедный.

И подлинно правду

Сказала старушка. Глядят, Маврень лезет
На зов, как ученый медведь, поднимаясь
На задние лапы.

— Родной мой! - вскричал он,

Бежит, повалился, как сноп, прямо в ноги,
И с радости слова промолвить не может,
Целует, то Княжичу руки, то Беле,
И смотрит в глаза им, как будто смекает,
Кто лучше из них, и кому сердце радо.

— Ну, Маврень, домой! - крикнул Княжич, и прынул
В седло, посадил близ себя, обнял Белу;
Она приклонилась к плечу. Конь помчался;
А Маврень во след, в хвост и в голову гонит.

—Давай вам Бог счастья! - сказала старушка,
Родные мои! Вот любовь-то! Смотри-ко!

Волтава, Волтава! ключем закипели,
Взыграли твои сребропенные воды,
Зарница блеснула на небе вечернем....
Да нет, то не воды Волтавы взыграли,
Блестит не зарница над нивой цветущей:
Взыграло то сердце у Князя Власлава,
Блеснули то радостью очи Княгини,
Когда они обняли милого сына,
Когда целовали невестушку Белу.
И свадебный пир, загремел, разгулялись
Веселые гости; пьют мед, величают
Чету молодую; а Княжич и Бела
Друг другу в глаза так и смотрят, да шепчут:
Нам рай бы не в рай, жизнь не в жизнь друг без друга!

А. Вельтман

«На новый год», Альманах в подарок читателям «Москвитянина», 1850г.